

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-2-12>

УДК 338.43:336.14(470):332.1

JEL Q18, H71, H77, R58

А. Ю. Аверин ^{a)}, В. В. Бондаренко ^{б)}, О. Н. Лескина ^{в)}^{a)} Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация^{б), в)} Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Пенза, Российская Федерация

Оценка соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства экономическому потенциалу ведущих аграрных регионов России¹

Аннотация. В условиях неоднородности региональных экономик и различий бюджетной обеспеченности возрастает риск несоответствия между объемами государственной поддержки сельского хозяйства и фактическими результатами агропроизводства. В литературе преобладают оценки по абсолютным объемам финансирования и динамике расходов, тогда как структурное сопоставление производства и поддержки для групп регионов раскрыто недостаточно. Это затрудняет интерпретацию справедливости распределения средств и выявление скрытых диспропорций. Цель исследования – на основе оценки соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства экономической роли и бюджетным условиям аграрных регионов выявить ключевые диспропорции в ее распределении и разработать рекомендации по повышению обоснованности и адресности поддержки. Эмпирическая база – официальные данные по субъектам РФ за 2012–2023 гг. На основе кластеризации методом *k*-средних выделен ведущий кластер по среднему уровню стоимости продукции. Результаты исследования показали, что стоимость произведенной продукции в кластере выросла на 160,5 % (до 4 195,8 млрд р.), что выше общероссийской динамики (149,8 %). Рост государственной поддержки при этом существенно отставал и составил 47,0 % до 81,6 млрд р. Коэффициент концентрации поддержки оставался стабильным в интервале 1,06–1,08, что свидетельствует о сохранении пропорциональности распределения средств относительно вклада регионов в производство. Однако усилилась диспропорция между экономической ролью сельского хозяйства и бюджетным приоритетом его поддержки: при росте доли отрасли в валовой добавленной стоимости с 11,6 % до 12,3 % доля расходов на поддержку сократилась с 3,2 % до 2,1 %, вследствие чего коэффициент соразмерности увеличился с 3,59 до 5,95. Дополнительно выявлено снижение зависимости финансирования от федерального бюджета: коэффициент сократился с 4,16 до 2,43. Полученные результаты могут быть использованы при корректировке механизмов межбюджетного регулирования и повышении адресности государственной поддержки АПК.

Ключевые слова: ведущие аграрные регионы, бюджетная нагрузка, региональное софинансирование, концентрация сельскохозяйственного производства, соразмерность государственной поддержки

Для цитирования: Аверин, А. Ю., Бондаренко, В. В., Лескина, О. Н. (2026). Оценка соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства экономическому потенциалу ведущих аграрных регионов России. *Экономика региона*, 22(2), 399–413. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-2-12>

¹ ©Аверин А. Ю., Бондаренко В. В., Лескина О. Н. Текст. 2026.

Anton Yu. Averin ^{a)}, Vladimir V. Bondarenko ^{b)}, Olga N. Leskina ^{c)}^{a)} Penza State University, Penza, Russian Federation^{b), c)} Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza, Russian Federation

Proportionality of State Agricultural Support to the Economic Potential of Russia's Leading Agricultural Regions

Abstract. When regional economies vary significantly in structure and budgetary capacity, state agricultural support can easily fall out of step with actual production outcomes. Most existing studies examine overall funding volumes and spending trends, but say little about how support is distributed relative to production performance across different regional groups. This gap hinders fair assessment of resource distribution and obscures underlying disproportions. This study focuses on key imbalances in the distribution of state agricultural support by evaluating its proportionality to the economic role and fiscal conditions of agricultural regions, and offers recommendations for improving the targeting and validity of support measures. The analysis draws on official data for Russian regions over the period 2012–2023. K-means clustering was applied to identify a leading cluster by average agricultural output. Findings show that the value of agricultural production within this cluster grew by 160.5 %, reaching RUB 4,195.8 billion, thus outpacing the national growth rate of 149.8 %. Meanwhile, state support grew by only 47.0 %, reaching RUB 81.6 billion. The support concentration coefficient remained stable at 1.06–1.08, suggesting that the relative distribution of support across regions was broadly preserved. Nevertheless, there is a deepening disproportion between agriculture's economic significance and its budgetary priority: the sector's share in gross value added rose from 11.6 % to 12.3 %, while the share of support expenditures declined from 3.2 % to 2.1 %, driving the proportionality coefficient from 3.59 to 5.95. Dependence on federal financing also declined, with the dependency coefficient falling from 4.16 to 2.43. These findings have practical implications for calibrating intergovernmental fiscal mechanisms and enhancing the targeting of state support for the agro-industrial sector.

Keywords: leading agricultural regions, budget burden, regional co-financing, concentration of agricultural production, proportionality of state support

For citation: Averin, A. Yu., Bondarenko, V. V., & Leskina, O. N. (2026). Proportionality of State Agricultural Support to the Economic Potential of Russia's Leading Agricultural Regions. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(2), 399–413. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-2-12>

Введение

Государственная поддержка сельского хозяйства выступает ключевым инструментом стабилизации производства, сглаживания природно-климатических и ценовых рисков и поддержания занятости в сельских территориях. Однако в условиях неоднородности региональных экономик, различий бюджетной обеспеченности и меняющейся макроэкономической конъюнктуры усиливается риск несоответствия между распределением бюджетных ресурсов и фактическими результатами агропроизводства.

В прикладных и академических исследованиях оценка государственной поддержки нередко ограничивается анализом абсолютных объемов финансирования, динамики программных расходов или частных показателей эффективности, тогда как структурная сопоставимость стоимостных объемов производства и выделяемой для ее получения государственной поддержки на уровне регионов раскрыта недостаточно. Отдельный методологический пробел связан с тем, что сравнение регионов часто проводится без предварительного выделения сопоставимых групп: лидирующие аграрные регионы, форми-

рующие значимую часть выпуска, оказываются в одной выборке с территориями иной специализации, что затрудняет интерпретацию результатов и оценку справедливости распределения средств. В этой связи требуется проверка соразмерности поддержки на основе сопоставления доли вклада регионов в производство и добавленную стоимость с их долей в бюджетных расходах и финансировании мер поддержки, с дополнительной оценкой бюджетной нагрузки и зависимости от источника.

Цель исследования — на основе оценки соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства экономической роли и бюджетным условиям аграрных регионов выявить ключевые диспропорции в ее распределении и разработать рекомендации по повышению обоснованности и адресности поддержки.

Достижение цели планируется осуществить путем проведения комплексной оценки соответствия объемов выделяемой поддержки фактическому объему производимой сельскохозяйственной продукции. В рамках исследования поставлены вопросы: согласуется ли распределение поддержки с производственной ролью ведущих аграрных регионов; сохраняется ли со-

размерность бюджетных приоритетов поддержке сельского хозяйства при высокой отраслевой значимости; изменяется ли бюджетная нагрузка и структура источников финансирования поддержки. Гипотеза исследования заключается в том, что при формальной пропорциональности распределения поддержки ведущим аграрным регионам может проявляться недостаточная соразмерность региональных бюджетных приоритетов отраслевой роли сельского хозяйства, а также существенная неоднородность распределения финансирования из федерального бюджета.

Теория

В научной литературе государственная поддержка сельского хозяйства традиционно рассматривается как инструмент компенсации рыночных сбоев, сглаживания природно-климатических и ценовых рисков, стимулирования производства и обеспечения продовольственной безопасности (Сагина, 2024; Тихомиров и др., 2024; Neyl et al., 2022; Piñeiro et al., 2020). Такая трактовка в целом корректно раскрывает функциональное назначение поддержки, однако носит преимущественно нормативный характер: она фиксирует, для чего поддержка должна существовать, но в меньшей степени отвечает на вопрос, насколько ее объем и распределение соответствуют реальной экономической роли отрасли в конкретных регионах. Именно этот аспект приобретает принципиальное значение в условиях выраженной межрегиональной неоднородности российской экономики и различий в бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

Существенная часть исследований сосредоточена на фискально-целевом подходе, в рамках которого поддержка оценивается через степень достижения показателей государственных программ, освоение бюджетных средств и соблюдение бюджетной дисциплины (Рыкова и др., 2022; Жилияков, 2021a; Жилияков, 2021b; Сагина, 2024). Достоинство данного подхода состоит в его прикладной управленческой значимости: он позволяет контролировать исполнение программ и сопоставлять затраты бюджета с формально достигнутыми результатами. Вместе с тем его аналитические возможности ограничены. Во-первых, достижение плановых индикаторов еще не означает, что поддержка распределена в соответствии с реальными потребностями отрасли. Во-вторых, ориентация преимущественно на государственные показатели эффективности смещает акцент с вопроса об адекватности распределения ресурсов на вопрос об административной результативности расходов. Следовательно, данный подход фиксирует качество исполнения бюджетной политики, но не позволяет в полной

мере оценить, насколько сама конфигурация поддержки экономически обоснована.

Другой крупный блок исследований связан с оценкой экономической эффективности государственной поддержки, то есть с анализом ее влияния на выпуск, урожайность, производительность факторов, техническую и стохастическую эффективность хозяйств (Biagini et al., 2023; Minviel et al., 2024; Mamun, 2024; Liu et al., 2024). Этот подход обладает высокой научной ценностью, поскольку ориентирован на выявление причинно-следственных эффектов. Однако применительно к задаче настоящего исследования его объяснительная сила также ограничена. Оценка эффективности отвечает на вопрос, какой результат дало финансирование, но не раскрывает, насколько сама поддержка была изначально соотнесена с масштабом и ролью аграрного сектора в региональной экономике. Иными словами, даже высокая производственная отдача отдельных мер не исключает ситуации, при которой распределение поддержки между регионами остается структурно несоразмерным.

В зарубежной и российской литературе все активнее развиваются подходы, ориентированные на анализ поведенческих, институциональных и экологических эффектов поддержки: стимулирование устойчивых практик, принятие технологий, соблюдение экологических стандартов, снижение негативных внешних эффектов (Bernini & Galli, 2024; Piñeiro et al., 2020; El Bakali et al., 2023). Эти исследования важны тем, что расширяют понимание результата поддержки за пределы прямого прироста выпуска. Однако и они в основном оценивают последствия применения инструментов, а не структурную обоснованность распределения бюджетных ресурсов. В результате вне поля анализа остается вопрос о том, соответствует ли бюджетный приоритет отрасли ее фактической значимости в региональной системе хозяйства.

Аналогичное ограничение характерно и для работ, исследующих доходно-распределительные эффекты поддержки: влияние субсидий на доходы производителей, благосостояние, ценовые сигналы и дифференциацию доходов (Tang et al., 2024; Amaglobeli et al., 2024). Данный ракурс позволяет глубже понять социально-экономические последствия бюджетного вмешательства, но, как правило, рассматривает уже реализованные эффекты поддержки, а не исходную логику ее пространственного распределения. Между тем для региональной политики принципиален не только вопрос о том, помогает ли поддержка производителю, но и вопрос о том, в какой мере она распределяется пропорционально отраслевой нагрузке и вкладу региона в аграрное производство.

Отдельного внимания заслуживают исследования регионально-кластерных эффектов, а также работы, посвященные влиянию поддержки на развитие отдельных категорий хозяйств и территорий (Плахин, Шеин, 2025; Перетяго и др., 2025; Тихомиров, Фомин, 2024). Их сильная сторона состоит в признании пространственной неоднородности аграрного развития и необходимости учета региональной специфики. Вместе с тем даже в этих работах регион зачастую рассматривается либо как производственная площадка реализации мер поддержки, либо как объект межтерриториального сопоставления по отдельным показателям, тогда как вопрос о соразмерности поддержки экономическому положению региона остается вторичным. Это приводит к тому, что сравнение территорий по абсолютным объемам финансирования или по темпам роста нередко подменяет собой анализ структурного соответствия поддержки отраслевой роли сельского хозяйства.

Близким по содержанию является риск-ориентированный подход, в рамках которого поддержка рассматривается как механизм стабилизации доходов и повышения устойчивости производства, в том числе через субсидирование страхования (Семенова, Аверин, 2022). Этот подход особенно значим для сельского хозяйства, где природно-климатические риски объективно высоки. Однако и здесь основной акцент обычно делается на снижении последствий риска, а не на том, насколько бюджетный приоритет поддержки соотношен с уровнем отраслевой значимости сельского хозяйства в региональной экономике.

Таким образом, анализ литературы показывает, что существующие подходы преимущественно отвечают на три группы вопросов: достигает ли поддержка целей государства; дает ли она измеримый производственный или социальный эффект; каковы ее институциональные и поведенческие последствия. При всей их значимости они не в полной мере раскрывают следующий самостоятельный исследовательский вопрос: насколько распределение и бюджетный приоритет государственной поддержки соразмерны экономической роли сельского хозяйства в системе регионального хозяйства. Именно в этом состоит методологический пробел, особенно существенный для России, где различия между регионами по масштабу производства, структуре экономики и бюджетной обеспеченности выражены особенно сильно.

В этой связи использование категории эффективности в качестве центральной для настоящего исследования представляется недостаточно точным. Эффективность предполагает оценку отдачи, результата или причинного воздействия поддержки на экономические показа-

тели. Между тем цель данного исследования состоит не в выявлении причинно-следственного эффекта субсидий на валовой объем или производительность, а в определении того, насколько объем и структура поддержки соответствуют экономической значимости аграрного сектора в ведущих аграрных регионах. Следовательно, методологически более уместной является категория соразмерности, поскольку она фиксирует не конечную отдачу мер, а степень соответствия между отраслевой ролью сельского хозяйства и масштабом его бюджетного приоритета.

Авторская позиция состоит в том, что в условиях межрегиональной дифференциации и ограниченности бюджетных ресурсов первичной аналитической задачей является не столько оценка эффективности государственной поддержки, сколько оценка ее соразмерности. Под соразмерностью государственной поддержки сельского хозяйства в рамках данного исследования понимается степень соответствия между экономической ролью сельского хозяйства в регионе и масштабом бюджетного приоритета, предоставляемого данной отрасли. В адаптированном для целей анализа виде соразмерность государственной поддержки — характеристика пропорциональности между отраслевой значимостью сельского хозяйства и масштабом его бюджетного финансирования в структуре региональных расходов. Научная новизна такого подхода заключается в смещении акцента с оценки последствий поддержки на оценку структурной обоснованности ее распределения между сопоставимой группой ведущих аграрных регионов, что позволяет выявлять скрытые диспропорции даже в тех случаях, когда формальные показатели результативности или эффективности не демонстрируют явных отклонений.

Методы

Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), Министерства сельского хозяйства РФ и Федерального казначейства за период 2012–2023 г. Использованы показатели стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции, валовой добавленной стоимости, валового регионального продукта, расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, объемов государственной поддержки сельского хозяйства из федерального и региональных бюджетов, а также структуры бюджетных расходов. Данные агрегированы в разрезе субъектов РФ и приведены к сопоставимому виду путем формирования единой панели наблюдений.

На первом этапе была проведена предварительная нормализация исходных данных методом робастной стандартизации (*robust z-score*), позволяющим снизить влияние выбросов и асимметрии распределения.

Далее был применен метод кластеризации *k*-средних (*k-means clustering*) с заранее заданным числом кластеров $k = 5$. Кластеризация осуществлялась по среднему значению стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции за анализируемый период. Это позволило выделить ведущий кластер регионов с наибольшим вкладом в производство сельскохозяйственной продукции.

На втором этапе был выполнен сравнительный структурный анализ положения ведущего кластера регионов путем расчета удельных весов по ключевым макроэкономическим показателям. Удельный вес рассчитывался по формуле:

$$W_i = \frac{\sum_{i=1}^n X_i}{\sum_{j=1}^n X_j}, \quad (1)$$

где $\sum_{i=1}^n X_i$ — агрегированное значение показателя

для регионов ведущего кластера; $\sum_{j=1}^n X_j$ — общее

значение показателя по всем регионам России

На третьем этапе был проведен динамический анализ валового регионального продукта и расходов консолидированных бюджетов с выделением вклада ведущего кластера, что позволило оценить устойчивость его макроэкономического положения.

На четвертом этапе была определена роль сельского хозяйства в экономике ведущего кластера путем расчета удельного веса сельского хозяйства в структуре валовой добавленной стоимости регионов и сопоставления с аналогичными показателями по остальным регионам.

На пятом этапе была выполнена оценка концентрации государственной поддержки сельского хозяйства на основе расчета коэффициента концентрации:

$$K_c = \frac{W_{support}}{W_{output}}, \quad (2)$$

где $W_{support}$ — удельный вес полученной регионами государственной поддержки; W_{output} — удельный вес произведенной данными регионами сельскохозяйственной продукции.

На шестом этапе рассчитан коэффициент соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства:

$$K_p = \frac{W_{agri}}{W_{budget}}, \quad (3)$$

где W_{agri} — удельный вес сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости региона; W_{budget} — удельный вес расходов на государственную поддержку сельского хозяйства в структуре бюджетных расходов региона.

На заключительном этапе определен коэффициент зависимости государственной поддержки от федерального бюджета:

$$K_f = \frac{W_{federal}}{W_{regional}}, \quad (4)$$

где $W_{federal}$ и $W_{regional}$ — удельные веса финансирования государственной поддержки сельского хозяйства из федерального и региональных бюджетов соответственно.

Применение совокупности методов робастной стандартизации, кластерного анализа, структурного и динамического анализа, а также системы относительных коэффициентов позволило обеспечить количественную оценку соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства экономическому потенциалу ведущих аграрных регионов и выявить степень концентрации бюджетных ресурсов.

Новизна подхода состоит в том, что адекватность государственной поддержки оценивается не по абсолютным объемам субсидий или их динамике, а через сопоставление структурных долей: вклад региона (кластера) в выпуск (валовую добавленную стоимость) и его долю в бюджетных расходах и финансировании поддержки. В отличие от стандартных подходов, где анализ часто ведется по средним значениям или рейтинговым сопоставлениям отдельных регионов, здесь применяется робастная нормализация данных, кластеризация *k-means* для выделения сопоставимой группы ведущих регионов и система коэффициентов концентрации, соразмерности, бюджетной нагрузки и бюджетной зависимости, обеспечивающая точную оценку адекватности и баланса распределения средств государственной поддержки.

Результаты

Для того, чтобы сократить объем исследований и повысить информативность результатов, в дальнейшем данные по регионам будут консолидированы. Но при этом в тексте в составе кластера будут отдельно выделяться регионы с наибольшими удельными весами или наиболее динамичным темпом изменения выбранных показателей.

Перечень регионов, которые попали в сформированный первый (ведущий) кластер, представлен в таблице 1.

Как показывают данные анализа, стоимость произведенной ведущим кластером аграрных регионов России сельскохозяйственной продукции за анализируемый период 2012–2023 г. существенно увеличилась — на 160,5 % (до 4 195,8

Состав первого кластера ведущих аграрных регионов России, сформированный по среднему значению стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции

Composition of the Cluster of Leading Agricultural Regions (Ranked by Average Agricultural Output)

Субъект РФ	Стоимость произведенной с/х продукции, млрд руб.			Изм., %	Удельный вес, %	
	2012 г.	2023 г.	Среднее значение		внутри кластера	в целом по России
Краснодарский край	234,5	571,8	406,0	143,8	14,0	7,0
Ростовская область	154,7	453,2	289,2	193,0	9,9	5,0
Белгородская область	149,3	368,0	253,4	146,5	8,7	4,4
Республика Татарстан	150,1	289,2	231,1	92,7	7,9	4,0
Воронежская область	125,5	321,5	226,2	156,1	7,8	3,9
Ставропольский край	101,2	281,4	198,2	178,0	6,8	3,4
Республика Башкортостан	106,8	225,7	171,0	111,3	5,9	3,0
Алтайский край	94,3	216,3	158,2	129,4	5,4	2,7
Саратовская область	89,2	240,7	159,9	169,8	5,5	2,8
Волгоградская область	83,9	233,0	154,0	177,6	5,3	2,7
Курская область	69,1	225,0	150,9	225,7	5,2	2,6
Тамбовская область	60,0	214,0	137,8	256,5	4,7	2,4
Республика Дагестан	66,1	212,3	128,5	221,4	4,4	2,2
Липецкая область	55,0	192,5	125,1	250,2	4,3	2,2
Оренбургская область	71,1	151,3	119,2	112,8	4,1	2,1
Всего по ведущему кластеру аграрных регионов	1 610,8	4 195,8	2 908,8	160,5	100,0	50,4
Всего по России	3 339,2	8 341,3	5 776,8	149,8	–	100,0

Источник: расчеты авторов на основе данных: О состоянии сельского хозяйства. Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277> (дата обращения: 01.02.2026).

млрд р.), что активнее общероссийского объема на 149,8 % (до 8 341,3 млрд р.) на конец 2023 г.

Структура кластера топ-15 аграрных регионов продемонстрировала, что наибольший удельный вес пришелся на Краснодарский край (14,0 %), Ростовскую область (9,9 %) и Белгородскую область (8,7 %). При этом наиболее динамичный прирост стоимости объема продукции сельскохозяйственного назначения продемонстрировали Тамбовская область (256,5 %), Липецкая область (250,2 %), Курская область (225,7 %) и Республика Дагестан (221,4 %).

Среднее значение стоимости, произведенной кластером ведущих аграрных регионов сельскохозяйственной продукции, составило 2908,8 млрд р., что сформировало 50,4 % общего объема в целом по России. В пересчете на один регион кластера значение равно 193,9 млрд р., что в 2,81 раза выше среднего значения по всем российским регионам.

Анализ показывает, что рассматриваемый кластер регионов (рис. 1) занимает относительно стабильное положение по численности, но демонстрирует постепенное снижение экономического и бюджетного веса, что свидетельствует об ослаблении его относительной роли в экономике.

Валовая добавленная стоимость кластера росла существенно медленнее (на 186,1 %, до 27459,2 млрд р.), чем экономика всех регионов в целом (на 214,6 %, до 157 074,2 млрд р.), что привело к снижению его относительного вклада на 1,74 п. п. (до 17,48 %) на конец 2023 г. В пересчете на один регион кластера значение валовой добавленной стоимости составило 1101,1 млрд р., что соразмерно со средним значением по всем российским регионам на уровне 1062,5 млрд р. Это отражает значимую, но не доминирующую роль кластера в формировании добавленной стоимости страны.

Структура кластера топ-15 аграрных регионов продемонстрировала, что наибольший удельный вес валовой добавленной стоимости пришелся на Краснодарский край (15,9 %), Республику Татарстан (15,7 %) и Республику Башкортостан (10,0 %). При этом наибольший прирост продемонстрировали Краснодарский край (227,0 %), Липецкая область (224,0 %), Ростовская область (219,3 %) и Республика Татарстан (219,0 %).

Удельный вес кластера в расходах консолидированного бюджета также продемонстрировал снижение бюджетной обеспеченности на 2,14 п. п. (до 17,40 %) на конец 2023 г. Расходы консолидированного бюджета ведущего кластера аграрных регионов росли медленнее (на 140,4 %,

Рис. 1. Экономическое положение кластера ведущих аграрных регионов России (источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.01.2026))

Fig. 1. Economic Overview of the Leading Agricultural Regions Cluster (Source: Compiled by the Authors on the Basis of Data from the Statistical Collection "Regions of Russia. Socio-Economic Indicators". URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Date of access: 21.01.2026))

до 3920,3 млрд р.), чем в целом по всем российским регионам (на 170,0 %, до 22525,1 млрд р.). В пересчете на один регион кластера значение составило 158,1 млрд р., что соразмерно со средним значением по всем российским регионам — 154,1 млрд р.

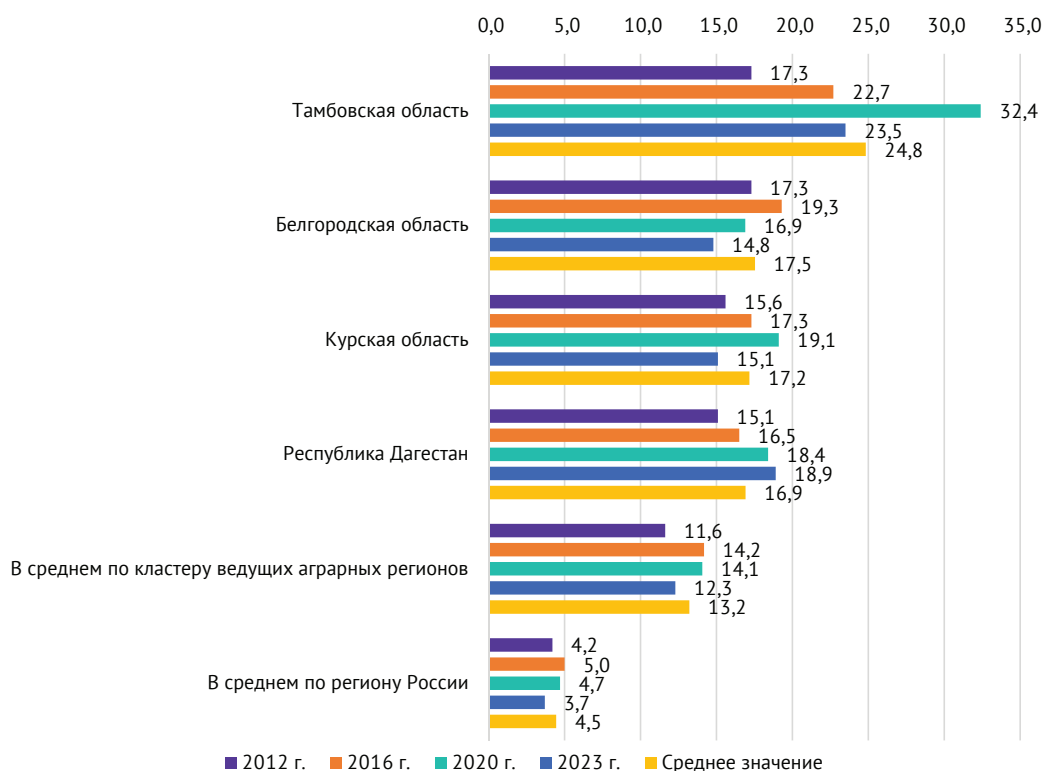
Таким образом, в 2012–2015 гг. ведущий кластер аграрных регионов занимал усиленное положение, обеспечивая значительный экономический вклад и получая бюджетные ресурсы выше своей численности. Однако в дальнейшем наблюдается устойчивое снижение его относительной роли, и к 2023 г. его экономический и бюджетный вес стал практически пропорционален численности. Это свидетельствует о постепенной утрате кластером статуса группы регионов с повышенной экономической и бюджетной значимостью.

Доля сельскохозяйственной продукции в валовой добавленной стоимости (по разделу «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство») в ведущем кластере аграрных регионов России за анализируемый период (рис. 2) увеличилась на 0,7 п. п. до 12,3 %, тогда как по России в целом показатель, напротив, снизился на 0,5 п. п. до 3,7 % на конец 2023 г. В пересчете на один регион кластера значение равно 13,2 %, что в три раза выше среднего значения по всем российским регионам (4,5 %). Это означает, что вклад сельского хозяйства в формирование добавленной стоимости в регионах-лидерах не только существенно выше общероссийского уровня, но и демонстрирует более

устойчивую динамику, отражая специализацию кластера и относительную значимость аграрного сектора в его экономике.

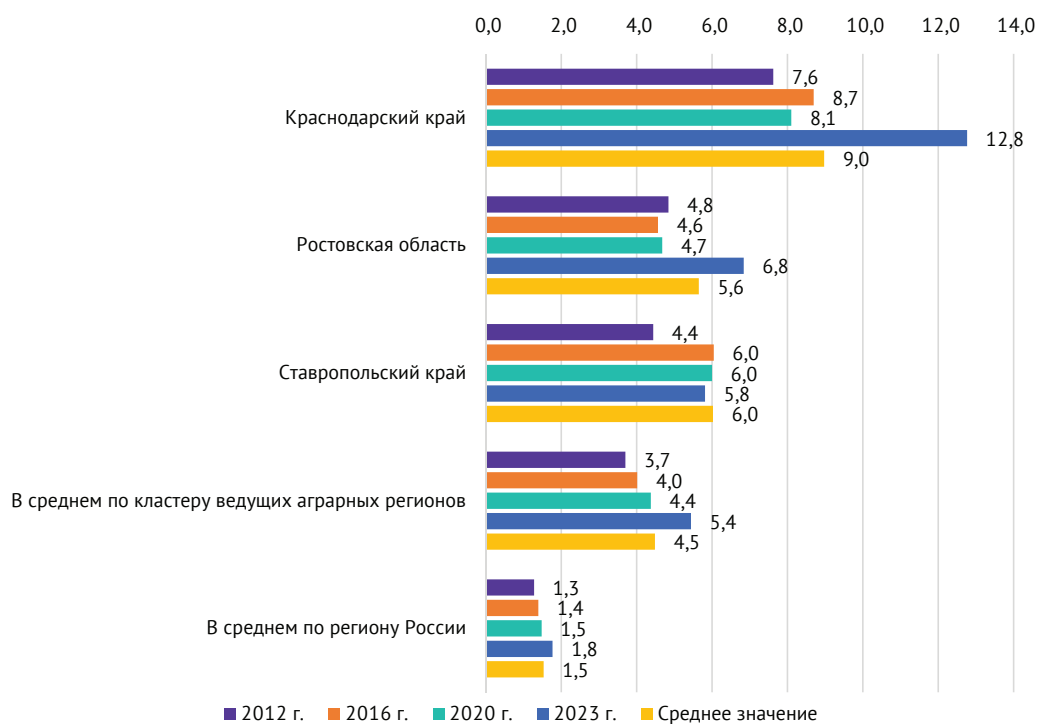
Структура кластера по среднему значению показателя показывает, что наиболее высокая доля сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости наблюдалась в Тамбовской области (24,8 %), Белгородской области (17,5 %), Курской области (17,2 %) и Республике Дагестан (16,9 %), что указывает на выраженную аграрную ориентацию этих регионов.

Финансирование государственной программы поддержки и развития сельского хозяйства из бюджетных источников всех уровней в ведущем кластере аграрных регионов России (рис. 3) за период 2012–2023 г. увеличилось на 47,0 %, до 81,6 млрд р., опережая общероссийскую динамику, где рост составил 41,5 %, до 150,4 млрд р. на конец 2023 г. Среднее значение размера государственной поддержки ведущих аграрных регионов составило 67,3 млрд р., что формирует 51,9 % от общего объема в целом по России. В пересчете на один регион кластера значение составило 4,5 млрд р., что в три раза превышает среднее значение на уровне 1,5 млрд р. по всем российским регионам в целом. Это указывает, что в группе ведущих аграрных субъектов государственное субсидирование увеличивалось быстрее, чем в среднем по стране, что обусловлено концентрацией отраслевых приоритетов и более высокой емкостью проектов развития АПК в данных регионах.

Рис. 2. Удельный вес сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости аграрных регионов, % (источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.01.2026))

Fig. 2. Agriculture's Share in Gross Value Added by Region (Source: Compiled by the Authors on the Basis of Data from the Statistical Collection "Regions of Russia. Socio-Economic Indicators". URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Date of access: 21.01.2026))

Рис. 3. Объем государственной поддержки сельского хозяйства из бюджетов всех уровней, млрд руб. (источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.01.2026))

Fig. 3. State Agricultural Support from All Budget Levels (RUB billion) (Source: Compiled by the Authors on the Basis of Data from the Statistical Collection "Regions of Russia. Socio-Economic Indicators." URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Date of access: 21.01.2026))

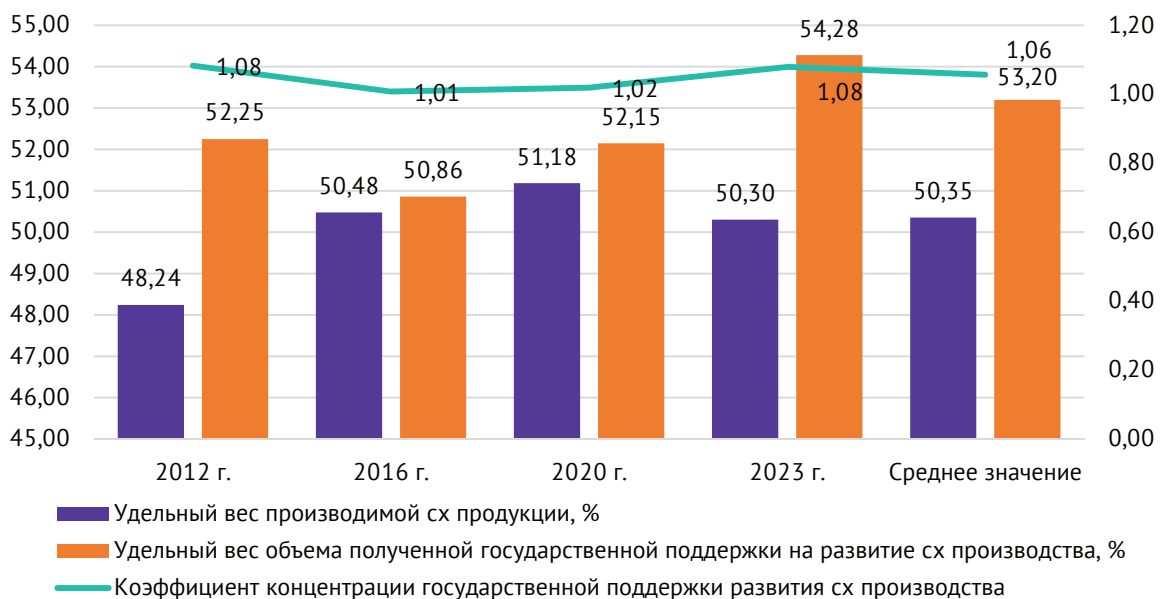
Структура финансирования по отдельным регионам показывает, что наибольший объем средств в 2023 г. пришелся на Краснодарский край (9,0 млрд р., или 13,3 %), далее следуют Ставропольский край (6,0 млрд р., или 9,0 %) и Ростовская область (5,6 млрд р., или 8,4 %). Это фиксирует заметную концентрацию поддержки в крупнейших аграрных территориях. При этом наиболее высокий темп прироста продемонстрировал Краснодарский край (67,4 %), тогда как Ростовская область (41,3 %) и Ставропольский край (30,9 %) росли более умеренно.

Такая дифференциация отражает различия в масштабах программных мероприятий, проектной активности, а также в бюджетной обеспеченности и механизмах софинансирования, вследствие чего относительная интенсивность поддержки в отдельных регионах изменялась неоднородно даже при общем росте финансирования в кластере.

В целом за 2012–2023 гг. принципиального сдвига в концентрации государственной поддержки ведущих аграрных регионов не произошло (рис. 4): коэффициент концентрации в начале и в конце периода находился на уровне 1,08. То есть в пограничные годы доля получаемой топ-15 поддержки была примерно пропорциональна их доле в выпуске продукции. Среднее значение показателя на уровне 1,06 и небольшой разброс на всем интервале означают, что на горизонте всего периода адекватность распределения поддержки относительно производственной роли ведущих регионов сохранилась на прежнем уровне.

Уровень соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства кластера ведущих аграрных регионов представлен на рисунке 5.

В целом за анализируемый период соразмерность региональных бюджетных расходов на поддержку сельского хозяйства по отношению к роли отрасли в экономике ведущих аграрных регионов снизилась (рис. 5): при небольшом росте удельного веса продукции сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости (с 11,63 % до 12,29 %, на 0,67 п. п.) доля расходов на поддержку сельского хозяйства в общем объеме бюджетных расходов заметно сократилась (с 3,24 % до 2,07 %, на 1,17 п. п.). В результате коэффициент соразмерности вырос на 2,36 (с 3,59 до 5,95), то есть экономический вес сельского хозяйства стал приходиться на еще меньшую долю бюджетных расходов. В интерпретации адекватности размеров поддержки это означает расширение разрыва: даже в начале периода отрасль занимала существенно большую долю в структуре добавленной стоимости, чем доля бюджетных расходов на ее поддержку, а к концу периода эта диспропорция усилилась. С позиции эффективности можно трактовать рост коэффициента как повышение бюджетной отдачи (более высокая доля отрасли при меньшей бюджетной нагрузке). Однако с точки зрения устойчивости и соответствия потребностям (особенно при высоком уровне рисков агропроизводства) такая динамика скорее указывает на недостаточность приоритета поддержки в региональных бюджетах по сравнению с ролью сельского хозяйства в формировании добавленной стоимости.

Рис. 4. Уровень концентрации государственной поддержки сельского хозяйства кластера ведущих аграрных регионов России (источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели.

Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.01.2026))

Fig. 4. Concentration of State Agricultural Support in the Cluster of Leading Regions (Source: Compiled by the Authors on the Basis of Data from the Statistical Collection "Regions of Russia. Socio-Economic Indicators." URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Date of access: 21.01.2026))

Рис. 5. Уровень соразмерности государственной поддержки сельского хозяйства кластера ведущих аграрных регионов России (источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.01.2026))

Fig. 5. Proportionality of State Agricultural Support in the Cluster of Leading Regions (Source: Compiled by the Authors on the Basis of Data from the Statistical Collection "Regions of Russia. Socio-Economic Indicators". URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Date of access: 21.01.2026))

Нагрузка на бюджет, измеряемая как доля расходов на бюджетное финансирование государственной программы развития сельского хозяйства из региональных бюджетов в общей структуре расходов (рис. 6), за анализируемый период снизилась. В среднем по топ-15 регионов показатель уменьшился на 1,2 п. п. до 2,1 %, что сопоставимо со среднероссийской динамикой: среднерегionalное значение по России также сократилось на 1,2 п. п. до 1,8 % на конец 2023 г. Это означает, что при росте абсолютных объемов финансирования сельского хозяйства его удельный вес в расходах бюджетов снижался, то есть общие бюджетные расходы росли быстрее, чем расходы на данное направление, а также попутно в условиях геополитической нестабильности происходила диверсификация расходных приоритетов в сторону увеличения расходов на обеспечение национальной безопасности.

По отдельным регионам тенденция носит устойчиво нисходящий характер. В Краснодарском крае доля снизилась на 0,7 п. п. до 2,0 %, в Ростовской области — на 1,4 п. п. до 1,7 %, в Ставропольском крае — на 2,2 п. п. до 2,7 %. При этом на протяжении периода уровень нагрузки различался: наиболее высоким средним значением характеризовался Ставропольский край (4,8 %), что указывает на сравнительно большую бюджетную концентрацию поддержки АПК в структуре расходов, тогда как Краснодарский край (2,7 %) и Ростовская область (2,6 %) находи-

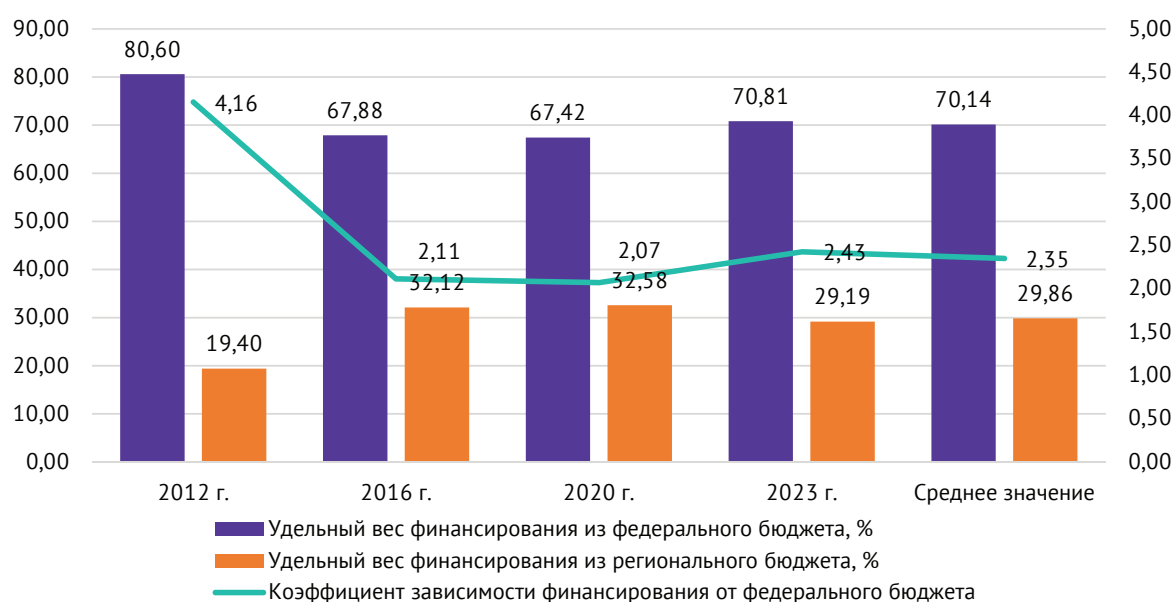
лись ближе к среднему уровню. Снижение доли во всех трех субъектах может отражать одновременно частичный перенос акцента поддержки в инструменты вне прямого бюджетного финансирования (кредитные механизмы, субсидирование ставок, гарантии).

В целом за 2012–2023 гг. структура финансирования государственной поддержки в топ-15 ведущих аграрных регионах стала менее зависимой от федерального бюджета и более смешанной (рис. 7): удельный вес федерального бюджета снизился на 9,79 п. п., с 80,60 % до 70,81 %, тогда как доля регионального финансирования соответственно выросла с 19,40 % до 29,19 %. Это напрямую отражено в коэффициенте зависимости (отношение федеральной доли к региональной): он сократился на 1,73, с 4,16 до 2,43. Следовательно, если в начале периода федеральные средства превышали региональные более чем в 4 раза, то к концу периода — примерно в 2,4 раза. С точки зрения адекватности и эффективности поддержки данный эффект имеет неоднозначные последствия: снижение зависимости от Федерации повышает автономность и устойчивость финансирования на региональном уровне (появляется больше возможностей точной настройки поддержки под локальные потребности), но одновременно усиливает риск дифференциации качества поддержки между регионами из-за различий их бюджетной обеспеченности.

Рис. 6. Нагрузка расходов на государственную поддержку сельского хозяйства кластера ведущих аграрных регионов России на региональный бюджет, % (источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.01.2026))

Fig. 6. State Agricultural Support as a Share of Regional Budget Expenditure, % (Source: Compiled by the Authors on the Basis of Data from the Statistical Collection "Regions of Russia. Socio-Economic Indicators." URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Date of access: 21.01.2026))

Рис. 7. Уровень зависимости финансирования государственной поддержки сельского хозяйства кластера ведущих аграрных регионов России от федерального бюджета (источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.01.2026))

Fig. 7. Dependence of State Agricultural Support Financing on the Federal Budget (Source: Compiled by the Authors on the Basis of Data from the Statistical Collection "Regions of Russia. Socio-Economic Indicators" <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Date of access: 21.01.2026))

Таким образом, в 2012–2023 гг. система государственной поддержки в ведущих аграрных регионах в среднем сохранила пропорциональность распределения относительно их вклада в производство (коэффициент концентрации в начале и конце периода на уровне 1,08; среднее 1,06), но при этом усилилась диспропорция между экономической ролью сельского хозяйства и бюджетным приоритетом его поддержки (коэффициент соразмерности вырос с 3,59 до 5,95; среднее 4,31), что указывает на снижение относительной достаточности поддержки в структуре региональных бюджетов. Параллельно изменился механизм финансирования: зависимость от федерального бюджета снизилась (коэффициент сократился с 4,16 до 2,43; среднее 2,35), то есть выросла роль регионального софинансирования и модель стала более смешанной.

Заключение

Проведенное исследование показало, что ведущий кластер аграрных регионов сохраняет устойчивое положение по численности, однако его относительный экономический и бюджетный вес в структуре сельскохозяйственного производства постепенно ослабевал, что отражает снижение сравнительных преимуществ данной группы на фоне общей динамики регионального развития.

Одновременно в экономике регионов-лидеров сельское хозяйство остается существенно более значимым видом деятельности, чем в среднем по стране, и демонстрирует более устойчивую роль в формировании добавленной стоимости, что подтверждает их специализацию и повышенную зависимость от результатов агропроизводства. При этом бюджетное финансирование мер поддержки сельского хо-

зяйства в ведущем кластере в целом усиливалось и росло быстрее общероссийской траектории, что указывает на сохранение отраслевых приоритетов и концентрацию программных мероприятий в регионах с высокой емкостью аграрных проектов. Вместе с тем распределение государственной поддержки в целом оставалось пропорциональным производственной роли ведущих регионов: существенных сдвигов в концентрации поддержки относительно их вклада в выпуск не выявлено.

Особо следует выделить усиление диспропорции между экономической ролью сельского хозяйства и бюджетным приоритетом его поддержки на региональном уровне, поскольку доля отрасли в экономике опережала долю расходов бюджетов, направляемых на ее поддержку, и этот разрыв расширялся. Снижение удельного веса бюджетных расходов на поддержку сельского хозяйства в структуре расходов регионов сопровождалось уменьшением бюджетной нагрузки даже при росте общего финансирования, что согласуется с перераспределением расходных приоритетов. Наконец, структура источников поддержки стала менее зависимой от федерального бюджета и более смешанной, что повышает автономность регионов и потенциал настройки инструментов под локальные потребности, но одновременно усиливает риск межрегиональной дифференциации из-за различий бюджетной обеспеченности.

В целом полученные результаты подтверждают, что формальная пропорциональность распределения поддержки ведущим аграрным регионам сохраняется, однако достаточность и приоритетность поддержки в региональных бюджетах требуют корректировки с учетом высокой роли сельского хозяйства и потребности в устойчивости агропроизводства.

Список источников

- Билько, А. М., Васильева, О. Г. (2023). Оценка государственной поддержки сельскохозяйственных производителей в Дальневосточном федеральном округе. *Регионалистика*, 10(2), 25–39. <https://doi.org/10.14530/reg.2023.2.25>
- Жиляков, Д. И. (2021а). Оценка поддержки производителей в системе государственного регулирования развития сельского хозяйства. *Московский экономический журнал*, (2), 232–240. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10097>
- Жиляков, Д. И. (2021б). Характеристика методик оценки государственной поддержки сельского хозяйства на международном уровне. *Международный агрокультурный журнал*, 64(1), 1–13. <https://doi.org/10.24411/2588-0209-2021-10270>
- Латышева, М. А., Алексеев, А. М. (2021). Господдержка малых форм хозяйствования в АПК: опыт Забайкалья. *ЭКО*, (11(569)), 76–92. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-11-76-92>
- Перетягко, П. О., Андреев, П. А., Назаренко, О. А. (2025). Оценка эффектов прямой государственной поддержки хозяйствующих субъектов Дальнего Востока на примере сельского хозяйства. *Государственное управление. Электронный вестник*, (111), 111–122. <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-111-2025-111-122>
- Плахин, А. Е., Шеина, Е. Г. (2025). Оценка влияния мер государственной поддержки на масштабирование малых и средних предприятий в сфере сельского хозяйства. *Международный сельскохозяйственный журнал*, (4(406)), 428–432. https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_4_428

- Рыкова, И. Н., Губанов, Р. С., Морина, В. А. (2022). Методика рейтинговой оценки эффективности государственной поддержки сельского хозяйства как инструмент обзора бюджетных расходов. *Вестник НГИЭИ*, 6(133), 81–103. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-6-81-103>
- Сагина, О. А. (2024). Управление государственной поддержкой сельского хозяйства и сельских территорий: ключевые аспекты и вызовы. *Вестник НГИЭИ*, 2(153), 93–101. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-2-93-101>
- Семенова, Н. Н., Аверин, А. Ю. (2022). Оценка эффективности государственной поддержки страхования в сельском хозяйстве России. *Регионоведение*, 2(119), 299–323. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.299-323>
- Сибиряев, А. С. (2024). Государственная поддержка сельского хозяйства и развития сельских территорий: международный опыт. *Вестник НГИЭИ*, 2(153), 102–110. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-2-102-110>
- Тихомиров, А. И., Фомин, А. А. (2024). Государственная поддержка АПК России: основные тенденции и социально-экономическое значение. *Международный сельскохозяйственный журнал*, 2(398), 121–125. https://doi.org/10.55186/25876740_2024_67_2_121
- Хайруллина, О. И. (2023). Анализ современного состояния государственной поддержки сельскохозяйственных производителей. *Продовольственная политика и безопасность*, 10(4), 629–644. <https://doi.org/10.18334/prpb.10.4.119511>
- Холодова, М. А. (2022). Основные направления совершенствования механизмов реализации государственной поддержки аграрного сектора. *Beneficium*, 3(44), 73–82. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3\(44\).73-82](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3(44).73-82)
- Эссауленко, Д. В. (2023). Оценка динамики государственной поддержки сельского хозяйства Российской Федерации. *Естественно-гуманитарные исследования*, 4(48), 375–378.
- Amaglobeli, D., Benson, T., & Mogue, T. (2024). Agricultural producer subsidies: Navigating challenges and policy considerations. *IMF Notes*, 2024(002). <https://doi.org/10.5089/9798400285950.068>
- Bernini, C., & Galli, F. (2024). Economic and environmental efficiency, subsidies and spatio-temporal effects in agriculture. *Ecological Economics*, 218, 108120. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2024.108120>
- Biagini, L., Antonioli, F., & Severini, S. (2023). The impact of CAP subsidies on the productivity of cereal farms in six European countries: A historical perspective (2008–2018). *Food Policy*, 119, 102473. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2023.102473>
- El Bakali, I., Ait El Mekki, A., Maatala, N., & Harbouze, R. (2023). A systematic review on the impact of incentives on the adoption of conservation agriculture: New guidelines for policymakers and researchers. *International Journal of Agricultural Sustainability*, 21(1), 2290415. <https://doi.org/10.1080/14735903.2023.2290415>
- Heyl, K., Ekaradt, F., Sund, L., & Roos, P. (2022). Potentials and limitations of subsidies governance: The example of agriculture. *Sustainability*, 14(23), 15859. <https://doi.org/10.3390/su142315859>
- Li, C., Sha, Z., Sun, X., & Jiao, Y. (2022). The effectiveness assessment of agricultural subsidy policies on food security: Evidence from China's poverty-stricken villages. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(21), 13797. <https://doi.org/10.3390/ijerph192113797>
- Liu, F., Shahzad, M. A., Feng, Z., Wang, L., & He, J. (2024). An analysis of the effect of agriculture subsidies on technical efficiency: Evidence from rapeseed production in China. *Heliyon*, 10(13), e33819. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e33819>
- Mamun, A. (2024). Impact of farm subsidies on global agricultural productivity. *Agricultural Economics*, 55(2), 346–364. <https://doi.org/10.1111/agec.12823>
- Minviel, J. J., Sipiläinen, T., Latruffe, L., & Bravo-Ureta, B. E. (2024). Impact of public subsidies on persistent and transient technical efficiency: Evidence from French mixed crop-livestock farms. *Applied Economics*, 56(55), 7286–7301. <https://doi.org/10.1080/00036846.2023.2281289>
- Moulay Ali, H., Mokhtari, F., Guellil, M. S., & Tsabet, A. (2025). The asymmetric impact of agricultural subsidies on structural transformation in Algeria: A NARDL approach. *Economía Agraria y Recursos Naturales*, 25(1), 73–96. <https://doi.org/10.7201/earn.2025.01.04>
- Piñeiro, V., Arias, J., Dürr, J., Elverdin, P., Ibáñez, A. M., Kinengyere, A., Morales Opazo, C., Owoo, N., Page, J. R., Prager, S. D., & Torero, M. (2020). A scoping review on incentives for adoption of sustainable agricultural practices and their outcomes. *Nature Sustainability*, 3, 809–820. <https://doi.org/10.1038/s41893-020-00617-y>
- Purnamasari, M., Huang, W. C., & Priyanto, B. (2023). The impact of government food policy on farm efficiency of beneficiary small-scale farmers in Indonesia. *Agriculture*, 13(6), 1257. <https://doi.org/10.3390/agriculture13061257>
- Smith, E. A., & Hayden, M. T. (2025). A systematic literature review of the economic sustainability of farm enterprises and a future research agenda. *Accounting, Finance & Governance Review*, 34, 137123. <https://doi.org/10.52399/001c.137123>
- Tang, C. S., Wang, Y., & Zhao, M. (2024). The impact of input and output farm subsidies on farmer welfare, income disparity, and consumer surplus. *Management Science*, 70(5), 3144–3161. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2023.4850>
- Ward, P. S., Mapemba, L., & Bell, A. R. (2021). Smart subsidies for sustainable soils: Evidence from a randomized controlled trial in southern Malawi. *Journal of Environmental Economics and Management*, 110, 102556. <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2021.102556>

References

- Amaglobeli, D., Benson, T., & Mogue, T. (2024). Agricultural Producer Subsidies: Navigating Challenges and Policy Considerations. *IMF Notes*, 2024(002). <https://doi.org/10.5089/9798400285950.068>

- Bernini, C., & Galli, F. (2024). Economic and Environmental Efficiency, Subsidies and Spatio-Temporal Effects in Agriculture. *Ecological Economics*, 218, 108120. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2024.108120>
- Biagini, L., Antonioli, F., & Severini, S. (2023). The Impact of CAP Subsidies on the Productivity of Cereal Farms in Six European Countries: A Historical Perspective (2008–2018). *Food Policy*, 119, 102473. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2023.102473>
- Bilko, A. M., & Vasilyeva, O. G. (2023). Estimation of Agricultural Support in the Far Eastern Federal District. *Regionalistika [Regionalistics]*, 10(2), 25–39. <https://doi.org/10.14530/reg.2023.2.25> (In Russ.)
- El Bakali, I., Ait El Mekki, A., Maatala, N., & Harbouze, R. (2023). A Systematic Review on the Impact of Incentives on the Adoption of Conservation Agriculture: New Guidelines for Policymakers and Researchers. *International Journal of Agricultural Sustainability*, 21(1), 2290415. <https://doi.org/10.1080/14735903.2023.2290415>
- Essaulenko, D. V. (2023). Assessment of the Dynamics of State Support for Agriculture in the Russian Federation. *Estestvenno-Gumanitarnye Issledovaniya*, (4(48)), 375–378. (In Russ.)
- Heyl, K., Ekardt, F., Sund, L., & Roos, P. (2022). Potentials and Limitations of Subsidies Governance: The Example of Agriculture. *Sustainability*, 14(23), 15859. <https://doi.org/10.3390/su142315859>
- Khairullina, O. I. (2023). Analysis of Current Government Support for Agricultural Producers. *Prodovol'stvennaya Politika i Bezopasnost' [Food Policy and Security]*, 10(4), 629–644. <https://doi.org/10.18334/ppib.10.4.119511> (In Russ.)
- Kholodova, M. A. (2022). The Main Directions of Improving the Mechanisms for Implementing State Support for the Agricultural Sector. *Beneficium*, (3(44)), 73–82. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3\(44\).73-82](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3(44).73-82) (In Russ.)
- Latysheva, M. A., & Alekseev, A. M. (2021). State Support for Small-Scale Farming in the Agro-Industrial Complex: The Experience of Transbaikalia. *EKO [ECO]*, (11(569)), 76–92. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-11-76-92> (In Russ.)
- Li, C., Sha, Z., Sun, X., & Jiao, Y. (2022). The Effectiveness Assessment of Agricultural Subsidy Policies on Food Security: Evidence from China's Poverty-Stricken Villages. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(21), 13797. <https://doi.org/10.3390/ijerph192113797>
- Liu, F., Shahzad, M. A., Feng, Z., Wang, L., & He, J. (2024). An Analysis of the Effect of Agriculture Subsidies on Technical Efficiency: Evidence from Rapeseed Production in China. *Heliyon*, 10(13), e33819. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e33819>
- Mamun, A. (2024). Impact of Farm Subsidies on Global Agricultural Productivity. *Agricultural Economics*, 55(2), 346–364. <https://doi.org/10.1111/agec.12823>
- Minviel, J. J., Sipiläinen, T., Latruffe, L., & Bravo-Ureta, B. E. (2024). Impact of Public Subsidies on Persistent and Transient Technical Efficiency: Evidence from French Mixed Crop-Livestock Farms. *Applied Economics*, 56(55), 7286–7301. <https://doi.org/10.1080/00036846.2023.2281289>
- Moulay Ali, H., Mokhtari, F., Guellil, M. S., & Tsabet, A. (2025). The Asymmetric Impact of Agricultural Subsidies on Structural Transformation in Algeria: A NARDL Approach. *Economía Agraria y Recursos Naturales*, 25(1), 73–96. <https://doi.org/10.7201/earn.2025.01.04>
- Peretyatko, P. O., Andreev, P. A., & Nazarenko, O. A. (2025). Direct State Support of Agricultural Companies in the Russian Far East: Evaluation of Effects. *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronnyi Vestnik [E-Journal Public Administration]*, (111), 111–122. <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-111-2025-111-122> (In Russ.)
- Piñeiro, V., Arias, J., Dürr, J., Elverdin, P., Ibáñez, A. M., Kinengyere, A., Morales Opazo, C., Owoo, N., Page, J. R., Prager, S. D., & Torero, M. (2020). A Scoping Review on Incentives for Adoption of Sustainable Agricultural Practices and Their Outcomes. *Nature Sustainability*, 3, 809–820. <https://doi.org/10.1038/s41893-020-00617-y>
- Plakhin, A. E., & Sheina, E. G. (2025). Assessment of the Impact of Government Support Measures to Scale Small and Medium-Sized Enterprises in the Field of Agriculture. *Mezhdunarodnyi Sel'skokhozyaistvennyi Zhurnal [International Agricultural Journal]*, (4(406)), 428–432. https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_4_428 (In Russ.)
- Purnamasari, M., Huang, W. C., & Priyanto, B. (2023). The Impact of Government Food Policy on Farm Efficiency of Beneficiary Small-Scale Farmers in Indonesia. *Agriculture*, 13(6), 1257. <https://doi.org/10.3390/agriculture13061257>
- Rykova, I. N., Gubanov, R. S., & Morina, V. A. (2022). Rating Methodology for Assessing the Effectiveness of State Support for Agriculture as a Tool for Reviewing Budget Expenditures. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI]*, (6(133)), 81–103. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-6-81-103> (In Russ.)
- Sagina, O. A. (2024). Management of State Support to Agriculture and Rural Territories: Key Aspects and Challenges. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI]*, (2(153)), 93–101. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-2-93-101> (In Russ.)
- Semenova, N. N., & Averin, A. Yu. (2022). Assessment of the Effectiveness of State Support for Insurance in Agriculture in Russia. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*, (2(119)), 299–323. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.299-323> (In Russ.)
- Sibiryaev, A. S. (2024). State Support for Agriculture and Rural Development: International Experience. *Vestnik NGIEI*, (2(153)), 102–110. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-2-102-110> (In Russ.)
- Smith, E. A., & Hayden, M. T. (2025). A Systematic Literature Review of the Economic Sustainability of Farm Enterprises and a Future Research Agenda. *Accounting, Finance & Governance Review*, 34, 137123. <https://doi.org/10.52399/001c.137123>

Tang, C. S., Wang, Y., & Zhao, M. (2024). The Impact of Input and Output Farm Subsidies on Farmer Welfare, Income Disparity, and Consumer Surplus. *Management Science*, 70(5), 3144–3161. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2023.4850>.

Tikhomirov, A. I., & Fomin, A. A. (2024). State Support of the Agricultural Industry of Russia: Main Trends and Social Economic Importance. *Mezhdunarodnyi Sel'skokhozyaistvennyi Zhurnal [International Agricultural Journal]*, (2(398)), 121–125. https://doi.org/10.55186/25876740_2024_67_2_121 (In Russ.)

Ward, P. S., Mapemba, L., & Bell, A. R. (2021). Smart Subsidies for Sustainable Soils: Evidence from a Randomized Controlled Trial in Southern Malawi. *Journal of Environmental Economics and Management*, 110, 102556. <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2021.102556>

Zhilyakov, D. I. (2021a). Producers Support Estimate in the System of State Regulation of Agriculture Development. *Moskovskii Ekonomicheskii Zhurnal [Moscow Economic Journal]*, (2), 232–240. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10097> (In Russ.)

Zhilyakov, D. I. (2021b). Characteristic of Methods Estimate Agriculture State Support at the International Level. *Mezhdunarodnyi Agrokul'turnyi Zhurnal [International Agricultural Journal]*, 64(1), 1–13. <https://doi.org/10.24411/2588-0209-2021-10270> (In Russ.)

Информация об авторах

Аверин Антон Юрьевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Пензенский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-8951-9241> (Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40; e-mail: prsto-anton@mail.ru).

Бондаренко Владимир Викторович — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ; Scopus Author ID: 57211802151; <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963> (Российская Федерация, 440052, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б; e-mail: bond40@bk.ru).

Лескина Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ; <https://orcid.org/0000-0002-1257-3725> (Российская Федерация, 440052, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б; e-mail: onleskina@fa.ru).

About the authors

Anton Yu. Averin — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department for Economy and Finance, Penza State University; <https://orcid.org/0000-0002-8951-9241> (40, Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation; e-mail: prsto-anton@mail.ru).

Vladimir V. Bondarenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Scopus Author ID: 57211802151; <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963> (33B, Kalinina St., Penza, 440052, Russian Federation; e-mail: bond40@bk.ru).

Olga N. Leskina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department for Economy and Finance, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-1257-3725> (33B, Kalinina St., Penza, 440052, Russian Federation; e-mail: onleskina@fa.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 17.10.2025.

Прошла рецензирование: 13.01.2026.

Принято решение о публикации: 31.03.2026.

Received: 17 Oct 2025.

Reviewed: 13 Jan 2026.

Accepted: 31 Mar 2026.